

— Четвертый господин, неужели вы никогда не задумывались, что, помимо нас, полиции, в вашем окружении могут быть и другие шпионы?

Вэнь Синчжи равнодушно скользнул по нему взглядом.

— О? Значит, хочешь сказать, что даже не знаешь, кто именно тебя координирует?

Бай Шиянь отчетливо почувствовал: хотя на губах Вэнь Синчжи все еще играла легкая улыбка, температура во всей комнате упала градусов на десять.

— Четвертый господин, я действительно не знаю, кто это. Но я готов помочь вам выяснить. Я хочу работать под вашим началом. Прошу, дайте мне шанс.

Вэнь Синчжи холодно усмехнулся.

— Офицер Хэ, вы что, принимаете меня за игрушку? Ваша полиция конфисковала мой корабль, а теперь, когда вы сами оказались в моих руках, хотите присягнуть мне на верность?

— Как вы можете, Четвертый господин, сравнивать себя с разбойником? Я искренне восхищаюсь вашей мощью, поэтому и хочу следовать за вами.

Вэнь Синчжи сел, закинув левую ногу на правую.

— Офицер Хэ, вы, должно быть, знаете: хоть место у меня и небольшое, но свои правила имеются. Каждый, кто хочет войти на мою территорию, должен пройти проверку. Иначе разве не превратилось бы мое поместье в проходной двор, куда может заявиться кто угодно?

Бай Шиянь понимал, что этого не избежать, но без этого он никак не смог бы остаться здесь.

— Четвертый господин, проверяйте, как считаете нужным. Мое желание служить вам неизменно.

Вэнь Синчжи усмехнулся и швырнул ножницы в цветочную подставку позади Бай Шияня. Подставка от удара опрокинулась, и деревянная планка с размаху прилась Бай Шияню прямо под колено, заставив его тяжело рухнуть на пол.

Вэнь Синчжи поднялся, подошел к нему и сжал его подбородок рукой.

— Офицер Хэ, вы решили применить ко мне уловку с соблазнением или сами хотите стать шпионом?

От боли в колене и подколенной ямке у Бай Шияня перехватило дыхание. Он крепко сжал зубы:

— Четвертый господин... я серьезно... Сначала я пошел в полицию по воле родителей, но, увидев вас, вдруг осознал: только оставаясь рядом с вами, я смогу по-настоящему жить.

— Офицер Хэ, это что, признание в любви?

Лицо Бай Шияня залилось краской. В тех мирах, где ему доводилось бывать, он никогда не произносил таких тошнотворных слов.

— Да, Четвертый господин, я хочу всегда быть при вас.

Вэнь Синчжи, словно услышав нелепейшую шутку, отшвырнул его в сторону. Бай Шиянь отлетел к стене.

— В полиции совсем дела плохи? Прислали такого вот красавчика меня соблазнять. Неужели я выгляжу настолько изголодавшимся?

Бай Шияню стало неловко. Его нынешнее лицо можно было назвать разве что миловидным, но до красоты Юй Шуана ему было далеко.

— Четвертый господин, я полагал, вы не судите людей по внешности.

— Ха, а если, когда я буду прижимать тебя к себе, я посмотрю на твое лицо и не смогу возбудиться — что тогда прикажешь делать?

Бай Шиянь не ожидал таких слов и на мгновение потерял дар речи. Вэнь Синчжи, заметив, что тот опустил голову, увидел шрам у него на глазу.

— А-Чжун.

А-Чжун тут же вошел:

— Слушаю, Четвертый господин.

— Уведи его. Проведи с ним полный курс, как и с остальными.

Когда Бай Шиянь заперли в темной комнате, он, если честно, струхнул. Хотя в воспоминаниях оригинала не было подробностей того, как именно Вэнь Синчжи проверяет новичков, он мог догадаться: такой человек, как он, наверняка доводит людей до полусмерти.

— Чжачжа, мне страшно.

Система ответила:

— Я тоже впервые сталкиваюсь с подобным. Но не волнуйся, если что-то пойдет не так, я немедленно свяжусь с центром восстановления.

— К тому времени, как ты вернешься, я уже успею испустить дух...

Услышав звук открываемой двери, Бай Шиянь поспешно вышел из системы. Вошел А-Чжун. Увидев в его руке тонкий длинный шприц, Бай Шиянь невольно задрожал. Он ничего не боялся в жизни, кроме уколов.

— Брат Чжун... ты что, собираешься колоть меня?

А-Чжун проигнорировал его. Этот человек, хоть и был легавым, не имел ни капли полицейской стати, только и делал, что вечно улыбался. И вот такой тип возомнил, что может приблизиться к Четвертому господину? Неужели он правда думает, что тот берет к себе кого попало?

Бай Шиянь увидел, как он подошел и вогнал иглу прямо в вену. Бай Шиянь ценил свое достоинство, поэтому сжал зубы и не издал ни звука.

А-Чжун ввел жидкость, вытащил иглу и поднялся.

— Это снадобье Четвертый господин использует для проверки людей. После инъекции ты почувствуешь необычайную легкость, но следом за этим покажется, будто по телу ползают тысячи муравьев, вгрызаясь в каждую пору. Будет нестерпимо больно и зудяще. Уколы будут делать неделю. Если не выдержишь — моли о пощаде заранее.

— Хэ Ци, мне плевать, полицейский ты или кто еще. Войти на территорию Четвертого господина не так-то просто.

— Следите за ним, — бросил он своим людям.

Бай Шиянь проводил А-Чжуна взглядом, дверь захлопнулась, и комната погрузилась в полную тьму.

Через две минуты Бай Шиянь понял, о чем шла речь. Поры на теле словно раскрылись, наступило блаженное облегчение. Но он знал: чем слаще предвкушение, тем мучительнее будет финал.

Не прошло и пяти минут, как началось то, о чем предупреждал А-Чжун. Казалось, тысячи крошечных муравьев пробираются через раскрытые поры прямо под кожу, вгрызаясь в мясо, копошась там и терзая его. Затем они добрались до внутренних органов, вызывая онемение в сердце и легких.

Зуд стал невыносимым. Бай Шиянь начал с остервенением скрести себя, от шеи до стоп, но это не приносило облегчения — зуд становился только сильнее. Не в силах терпеть, он начал кататься по полу.

— Чжачжа... я не могу!

Когда волна зуда отступила, пришла боль. Болело все: кожа, мышцы, внутренности. Боль была такой нестерпимой, что он боялся даже стоять — любое касание одежды вызывало новые муки. Он прыгал по комнате, словно безумный, но каждое приземление отдавалось во всем теле.

Смесь боли и зуда выжимала из него слезы и сопли.

— 659... мне так больно! Можешь отключить мои болевые рецепторы?

Система ответила:

— Прости, я бессильна. Препарат проникает во все ткани организма, я не могу его нейтрализовать.

659 уже просканировало состав: оно знало, насколько это мучительно. Хотя прямой угрозы жизни не было, это могло сломать психику. Но оно могло лишь наблюдать за страданиями носителя.

Бай Шиянь расцарапал себя до крови, вырывая куски плоти, но это не помогало. Он сжимал себя в объятиях, перекатываясь из угла в угол, ударяясь о стены.

Пять часов пытки закончились. Когда действие препарата прекратилось, Бай Шияня охватил озноб, он чувствовал себя так, будто пробежал марафон. Его одежда и белье насквозь пропитались потом. В таком виде он и уснул, забившись в угол.

Даже после таких мук он не получил нормальной еды. Единственную порцию за день принесли и просто бросили на пол. Еда превратилась в неаппетитную кашу. Бай Шияня стошнило, но желудок был пуст. В комнате было видеонаблюдение, поэтому он не мог достать еду из системы.

В темноте он на ощупь нашел что-то мягкое и, не раздумывая, запихнул в рот. Хорошо, что он ничего не видел — иначе точно не смог бы это проглотить.

На следующий день все повторилось. Боль и зуд терзали его каждую секунду. Когда принесли воду, он, боясь, что ее выльют, бросился к чашке и жадно припал к ней.

Так он продержался неделю. Раньше он и не думал, что неделя может быть такой долгой. Только во время уколов он видел свет и мог считать дни. Он не знал, как выжил, но 659 после каждой пытки включало музыку, помогая ему забыться сном.

В эти семь дней Бай Шиянь впервые затосковал по дому. Раньше он считал старика Бая вредным, а теперь отчаянно скучал по нему. Старик наверняка устроил бы скандал, узнав о его смерти. Жаль, что он больше не сможет подшутить над ним.

Глаза Бай Шияня защищало.

Вэнь Синчжи сидел на диване, наблюдая за трансляцией с камеры. Он не ожидал, что Хэ Ци продержится семь дней. Он навел справки: самая обычная семья, обычная жизнь. Самое яркое событие — участие в операции по поимке преступников, где он сам и попал в плен. Вэнь Синчжи думал, что тот сломается максимум через три дня.

На экране Хэ Ци подбирал с пола остатки еды. Вэнь Синчжи поморщился. Он убил немало людей, но смотреть на такое было противно. Он уже хотел выключить запись, как услышал голос Хэ Ци:

— Старик Бай... вредный старик...

Вэнь Синчжи замер. Эти слова... Он слышал их на протяжении десяти с лишним лет. Тот человек любил называть дядюшку Бая стариком Баем, вредным стариком. Он всегда был таким — безрассудным, потому что знал, что его любят. Вэнь Синчжи обещал дядюшке Баю защищать его, позволять ему оставаться таким же беззаботным. Но в итоге сам же стал причиной его гибели.

Сколько лет прошло? Он почти забыл, как тот человек, лежа у него на коленях после пьянки, без тени страха называл дядюшку Бая стариком. Сердце Вэнь Синчжи пронзила острая боль.

— А-Чжун, проверь, есть ли в окружении Хэ Ци кто-то по фамилии Бай.

После недели пыток Бай Шиянь выглядел жалко. Лицо было перепачкано грязью и остатками еды. Он понимал, что выглядит отвратительно, но не собирался умываться — он хотел вызвать у других такое же чувство гадливости.

Его привели в ту же комнату. Принесли чистую одежду. Бай Шиянь с наслаждением

отмывался больше часа. После этого он плотно поел. Он думал, что его ведут к Вэнь Синчжи, но его снова заперли — на этот раз в маленькую клетку.

Издали слышался волчий вой. У Бай Шияня возникло дурное предчувствие. Дверь открылась, и вошел Вэнь Синчжи, ведя на поводках двух волкодавов, вдвое больше обычных собак. Они оскалились, обнажив клыки, готовые вцепиться в него.

— Офицер Хэ, как прошла эта неделя?

Бай Шиянь молчал, боясь, что если откроет рот, то заплачет. Вэнь Синчжи слегка улыбнулся:

— Мне очень нравятся эти собаки. Правда, чтобы они лучше ладили с тобой, я не кормил их три дня.

У Бай Шияня похолодело внутри. Ну вот, не крокодилы, так собаки.

Вэнь Синчжи передал поводки А-Чжуну, и тот потянул собак к клетке. Голодные звери бросились вперед, врезаясь в прутья. Бай Шиянь метался по клетке, но собаки просовывали морды и лапы внутрь. Он замер в центре, боясь пошевелиться.

Вэнь Синчжи свистнул. Собаки замерли. Еще один свисток — и они начали скрести лапами по клетке, пытаясь достать его.

Бай Шиянь отпрянул, но сзади его прижала лапа другой собаки. Он стоял в холодном поту, не смея пошевелиться. Когти были в нескольких сантиметрах от него.

— Ты знаешь, что, оставаясь рядом со мной, ты столкнешься с вещами куда страшнее, чем они?
— спросил Вэнь Синчжи.

Бай Шиянь, не поднимая головы, пробормотал:

— Я знаю... Но... раз я... восхищаюсь вами... то не могу... не быть рядом...

Вэнь Синчжи рассмеялся:

— Какая глубокая привязанность. Хэ Ци, запомни: те, кто меня обманывал, не выживали. Жить тебе или умереть — решаю только я.

Вэнь Синчжи позвал:

— Ко мне.

Собаки тут же отошли, опустив уши. А-Чжун поставил перед клеткой две миски с полусырым мясом. Собаки набросились на еду, разрывая ее, кровь брызгала на одежду Бай Шияня. Он не смел даже вздрогнуть. Он понимал: Вэнь Синчжи делает это специально. И раз тот хочет, чтобы он смотрел — он будет смотреть.

— Выходи.

Бай Шиянь опешил. Дверь клетки была открыта. Видя, что он боится, Вэнь Синчжи холодно усмехнулся:

— Не бойся. Без моего приказа они тебя не тронут.

Заметив в его глазах раздражение, Бай Шиянь выскочил из клетки и спрятался за спину Вэнь Синчжи. Когда он осознал, что вцепился в его одежду, оба замерли. Шесть лет никто не смел прикасаться к Вэнь Синчжи без разрешения. Бай Шиянь поймал на себе странные взгляды, опустил голову и поспешно разжал руки.

— Четвертый господин... я... я просто разволновался...

Вэнь Синчжи промолчал и молча пошел прочь.

Слух о том, что полицейский попал в милость к Четвертому господину, разлетелся по всему поместью. Но даже после этого Бай Шиянь днями не видел Вэнь Синчжи. Все люди в поместье были его подчиненными, и никто не любил этого легавого, который непонятно какими хитростями заставил господина оставить его в живых.

Бай Шиянь слонялся без дела, ел и спал. Он хотел найти Вэнь Синчжи, но тот держал его в левом крыле поместья, где, кроме двух охранников и толстого крокодила, никого не было.

Когда А-Чжун пришел за ним, Бай Шиянь был удивлен. Вэнь Синчжи был в строгом костюме — белая рубашка, брюки. Он выглядел по-настоящему величественно.

— Подойди.

Бай Шиянь, стараясь скрыть волнение, подошел.

— Четвертый господин.

Вэнь Синчжи заметил его взгляд, устремленный на шрам на шее, и на мгновение изменился в лице.

— Помоги мне одеться.

Бай Шиянь взял пиджак и помог ему надеть его.

— Галстук.

У Бай Шияня заболела голова. Он совершенно не умел завязывать галстуки. Если он сделает что-то не так, Вэнь Синчжи, с его педантичностью, точно скормит его собакам.

— Четвертый господин, я не очень умею...

— О? А в полиции ты разве не носил?

— Э-э... в отряде их завязывали заранее, нужно было только накинуть.

Вэнь Синчжи не стал мучить его и завязал сам. Его шея была безупречна, кадык идеален. Верхняя пуговица рубашки подчеркивала изящную линию ключиц. Он был высоким, на голову выше оригинала, и в этом костюме выглядел так, что любая женщина — да и мужчина — не смогли бы отвести от него глаз.

Вэнь Синчжи почувствовал на себе его пристальный взгляд и хмыкнул:

— Что, за эти дни соскучился?

Бай Шиянь хотел было похвалить его внешность, но подавился словами и неловко улыбнулся.

— Иди переодейся.

<http://bllate.org/book/21660/2235055>